

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Kerrigan Byrne

THE HIGHLANDER

Перевод с английского *Н.Г. Пшеницыной*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Берн, Керриган.

Б51 Любовь горца : роман / Керриган Берн ; [перевод с английского Н.Г. Пшеницыной]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-121341-1

Неустрасимого полковника Лиам Маккензи зовут Демоном-горцем за его сверхчеловеческую силу, устрашающую наружность и хладнокровность. Как лэрд клана Маккензи, он унаследовал вместе с землями от предков жестокость и неукротимый нрав. Но когда обучать его детей приезжает мисс Филомена Локхарт, гувернантка из Англии, он находит в ней достойного соперника — в игре любви.

С каждым днем Лиам все больше увлекается Филоменой и замечает, что у нее слишком много секретов. Что может скрывать обычная гувернантка? Какие тайны ее преследуют? И как Лиаму завоевать любовь этой необычайной женщины, не потеряв свое сердце?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121341-1

© Kerrigan Byrne, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Пролог

Уэстер-Росс, Шотландия

«С этим что-то нужно делать!» — так решил Лиам Маккензи, размышляя над ужасными событиями прошлого.

Он думал о страшном человеке, с холодной жестокостью и садизмом управлявшем кланом Маккензи из Уэстер-Росс. О женщине с ввалившимися глазами, сменившей несчастную мать Лиама, которая как тощий запуганный призрак бродила по залам замка Рейвенкрофт-Кип. О ее сыне, брате Лиама по отцу, который вечно прятался по углам и никогда не улыбался. О незаконном сыне Маккензи, недавно забитом до смерти в тюрьме Ньюгейт.

Нужно что-то делать с телом, которое Лиам недавно выловил в болоте Бренилох-Бох.

Это была Тесса Макграт. От нее остался только скелет, покрытый тиной, торфом и грязью, но Лиам сразу узнал ее, едва увидел остатки шерстяной накидки, которую он дал ей в ту ужасную ночь несколько лет назад.

Эта накидка — его последний акт милосердия — стала для Тессы саваном.

Тесса была грязной шлюхой и любила хвастаться своими необыкновенными умениями в деле любви, поэтому лэрд Хеймиш Маккензи нанял ее для своих сыновей. Нанял, чтобы она сделала из

них мужчин. Но в действительности для чего-то куда более мерзкого и ужасного.

Тесса не понимала всей жестокости маркиза Рейвенкрофта, она не ведала, какая злоба таилась в Хеймише Маккензи.

— Она этого хочет, — усмехнулся отец Лиама, глядя на голую, с завязанными глазами Тессу, привязанную к кровати. — Она просто молит об этом!

Шлюха *действительно* этого хотела. Она просила об игривых ударах мягкого хлыста, который она принесла с собой для любовной игры. Она издавала страстные стоны, сладострастно извивалась. Она произносила обольстительные слова, давала непристойные обещания, способные привести в возбуждение любого шестнадцатилетнего мальчишку.

Но не Лиама.

Ее вины в том не было. Девица не могла представить, что готовил для нее лэрд. Она любила игры, включавшие боль, но Хеймиш Маккензи никогда не останавливался на достигнутом, он продолжал до тех пор, пока полностью не уничтожал противника.

Лиам подозревал, что Хеймиш намеревался избить девицу прямо перед ними и хотел заставить их наблюдать за этим. Но не думал, что отец намерен заставить своих сыновей ее бить и с болезненным садизмом наблюдать, как его сыновья становятся такими же чудовищами, как он сам.

Но когда лэрд показал им свое орудие, Лиам все понял. Это была древнеримская плеть с множеством хвостов, украшенных свинцовыми наконечниками, которых было так много, как змей на голове Медузы.

Все сыновья лэрда Маккензи содрогнулись: Хеймиш — незаконнорожденный сын, названный в честь отца; Лиам — его наследник, и маль-

чик по имени Торн — единственный сын от второй жены. Все они были хорошо знакомы с этой плетью, знали боль от ее прикосновений, помнили, как она сдирала с них кожу.

Они не верили своим глазам, когда лэрд ударил плетью поперек спины постанывающей шлюхи. Сначала та выгибалась и стонала в ожидании. А потом кричала, плакала, билась и умоляла о пощаде. И это после первых двух ударов.

Темные глаза отца загорелись от извращенного удовольствия. Он перешел на ту сторону кровати, где, выстроившись в ряд, стояли его сыновья, и протянул им ненавистную плетку.

— Каждый. По два удара, — приказал Хеймиш.

— Но она же не выживет, — запротестовал Торн прерывающимся от страха голосом.

На непокорность сына лэрд ответил ударом кулака, от которого тот упал на пол.

— Каждый. По два раза, — повторил он. — Мне все равно, кто сколько раз ударит, но я отпущу ее только после шести ударов.

Лэрд Маккензи был великаном, обычно он смотрел на своих сыновей сверху вниз, как и на большинство других мужчин. Но тогда Лиам впервые в жизни посмотрел отцу в глаза. Мало кто осмеливался ответить на горящий взгляд Хеймиша, а тем более противостоять ему в одиночку.

— Вот ты и начни, — приказал лэрд со злобной улыбкой, — или этим займусь я.

Тяжело осознавать, что человек, которого ты ненавидишь всей душой, так похож на тебя внешне. Предчувствовать, что однажды, лет через двадцать, такие же черные глаза монстра глянут на Лиам из зеркала и напомнят о той свирепости, что течет в порченной крови Маккензи. Видя вызов в глазах отца, Лиам понял, что наступит день, когда

он не будет бояться этого человека. Он тоже станет огромным, хитрым, бесстрашным и жестоким. Однажды он бросит вызов этому чудовищу, став таким же зверем.

И блеск в глазах отца сказал ему, что тот ждет наступления этого дня.

Ухватившись за возможность угодить отцу, молодой Хеймиш потянулся за плетью, и на его невыразительном лице появилось знакомое выражение свирепого предвкушения. Хеймиш был готов выполнить приказ отца. И тогда Тесса была обречена.

— Нет. — Лиам вышел вперед и выдернул плетку из рук отца, прежде чем Хеймиш-младший успел ее схватить. — Это сделаю я!

Ветер выл над болотами, летя над Бренилох-Бох, и его вой напоминал вопли, которые издавала Тесса в ту ночь, извиваясь под ударами плетки, раздиравшей белую кожу. Ужас, наполнявший ее рыдания, вырвал сердце из груди Лиама. Вместо сердца в ней кровоточила глубокая рана.

Теперь он стоял над ее телом, и его рука сжимала влажный воздух так, что косточки на ней стали совсем белыми, как в ту ночь, когда он трясущейся рукой взял оплетенную рукоятку кожаной плетки.

Тесса так и не поняла, что он спас ее единственно возможным способом. Он выполнил жестокий приказ отца и постарался нанести ей как можно меньше ран. Как она могла это выдержать?

Лиаму хотелось, чтобы на этом та ночь завершилась. Но жестокость лэрда не знала пределов, и еще целый час, целый проклятый час происходили невероятные вещи, о которых невозможно говорить. Потом Лиам завернул Тессу в накидку и помог ей бежать.

6 Надо отдать ей должное — она не прекращала сопротивляться. Она угрожала страшной ме-

стью, захлебываясь слезами от боли и страха. Эти угрозы стали причиной ее гибели.

Тесса едва могла ходить: спотыкаясь спускалась по ступеням, и ее розовая кожа начала покрываться страшными синяками — результат избиений, полученных от лэрда Хеймиша.

Даже в юном возрасте Лиам был достаточно силен, чтобы донести Тессу на руках через поля до деревни. Боже, как он старался ее урезонить, извиниться перед ней, сделать хоть что-нибудь для успокоения жгучих укоров совести. Но она ничего не желала слушать, и он ее не винил за это.

— Весь мой клан встанет против вас, против всей вашей проклятой семьи! — кричала она. — Вот увидите! Я всем расскажу, всем покажу, что вы, дикие звери, сделали со мной! И они придут за вами! За всеми за вами!

Но ей не дали, ее заставили замолчать. Она была убита. И Лиам не сомневался, кто это сделал.

От зла лишь зло рождается, разве не так? Даже Дуган, младший из незаконнорожденных сыновей отца, выросший вдали от красных кирпичей замка Рейвенкрофт-Кип, будучи еще подростком убил священника.

Дуган... Отец заплатил, чтобы его младшего сына забили до смерти в тюрьме, но парню удалось бежать, и он стал другим человеком. Дуган втайне связался с Лиамом. Это случилось в то время, когда Дуган боролся за место главаря в лондонском преступном мире.

Сыновей Хеймиша Маккензи воспитали для кровопролития. Фатум, ткущий узоры их судеб, впледел в них насилие, а в жилы влил жестокость и бесстрашие.

«Король умер... да здравствует король!» — этими словами вместо подписи завершил Ду-

ган свое послание Лиаму. В нем он просил брата совершить то, о чем тот давно мечтал.

Лиам завернул останки Тессы в полуразвалившуюся накидку и опустил их в чавкающую грязь болота, что стала ее могилой. Он смотрел, как болото медленно поглощает тело Тессы, а вместе с ним и то небольшое, что осталось в нем от надежды и доброты. Вместо них в опустелой груди загорелся огонек ненависти, который раздувал своим зловонным дыханием сам дьявол.

Теперь мечта превратилась в необходимость. Лиам смотрел на раскинувшийся перед ним изумрудный ландшафт, окаймленный горами Кинросс, и думал о матери, о том, что отец растоптал ее душу и тело. Он вспоминал свой клан Маккензи из Уэстер-Росс, который трудился и покорялся безжалостному железному кулаку своего лэрда; вспоминал своих братьев, законных и незаконных. Никто из них не способен был противостоять издевательствам отца, поэтому Лиаму часто приходилось принимать на себя его удары.

Кто будет их защищать теперь, когда он уйдет на войну?

Лиам превратился в высокого мужчину, который не боялся смотреть в глаза отца. Его плечи стали широкими, а кожа на спине так задубела от многочисленных ударов плетки, что, казалось, сам Сатана обработал ее у себя в пекле. Кулаки Лиамы стали достаточно тяжелыми, чтобы ответить на любой удар.

И Лиам решил пойти служить в армию Ее Величества. Огонь, пылавший в его крови и толкавший его на путь насилия, он решил направить на служение короне, которую благословили сам Бог и родина.

Это было единственным выходом из положения.

Но прежде следовало что-то предпринять, потому что день расплаты настал.

Лэрд Хеймиш Маккензи хотел превратить своего сына и наследника в такое же чудовище, как он сам. Но чудовища существуют в мифах и легендах, рожденных в древности предрассудками и больным воображением. Лиам решил, что не будет ни монстром, ни чудовищем. Он превратится в нечто иное. Он станет демоном.

Глава 1

*Лондон, сентябрь 1878 года
Двадцать лет спустя*

— Снимите одежду.

Не впервые в жизни леди Филомена Сент-Винсент, виконтесса Бенчли, слышала такие слова. Она была женой развратника и насильника. Но тут она потеряла дар речи и, ничего не понимая, уставилась на доктора Персиваля Розенблатта широко открытыми глазами. Неужели он действительно хочет, чтобы она разделась в его присутствии? Только женский персонал клиники наблюдал за проведением лечения в ледяных ваннах в клинике Белль-Глен. Присутствие доктора-мужчины было делом неслыханным.

— Но, доктор, я же хорошо себя вела... — Она невольно отступила на шаг, охваченная страхом при виде ванны, в которой плескались куски льда, напоминавшие осколки битого стекла. — Я ничего такого не делала, чтобы заслужить подобное... лечение.

«Лечение» — это слово обладало в этом заведении самыми разными смыслами.

— Вы опять этим занимались! — произнесла сестра Грета Шопф, служившая Немезидой в клинике Белль-Глен, подошла к Филомене и схватила ее за запястье так, что жесткие пальцы вонзились в кожу, и задрала рукав до локтя. Полная немка, одетая в униформу с высоким воротом, белый

фартук и шапочку, показала доктору руку пациентки. — Она опять этим занималась... но другим способом. Ночью нам пришлось привязать ее к кровати, чтобы она не предавалась своим аморальным занятиям.

— Но это же неправда, доктор! — выкрикнула Филомена, умоляюще глядя на врача. — Она ошибается, доктор Розенблатт. Этим занималась другая пациентка, Шарлотта Пендергаст, которая поцарапала мне руки ногтями. Клянусь, я никогда... Я воздерживаюсь, как могу, от аморальных занятий.

Раньше, во время их первых сессий, она все рассказывала доктору. Объясняла, что синяки и ссадины ей нанес муж-садист, лорд Гордон Сент-Винсент, виконт Бенчли, а вовсе не она сама. В первый период своего вынужденного пребывания в клинике она изо всех сил отрицала, что безумна, что подвержена приступам лунатизма и сексуальным отклонениям, потому что ничего такого на самом деле не было.

Вначале, по приезде в Белль-Глен, она старательно рассказывала о себе все, потому что была одинока и запугана.

Доктор Розенблатт напоминал Филомене ее отца, который занимался благотворительностью, сидя в своем строгом кабинете. У доктора было приятное круглое лицо, окруженное бакенбардами и вторым подбородком, румяные щеки и круглый живот. Он казался спокойным и умным профессионалом среднего возраста. Пора бы ей научиться не доверять себе в том, что касается других людей, особенно мужчин. Она всегда ошибалась.

Доктор Розенблатт открыл историю ее болезни и начал читать, хотя именно он написал все, что в ней содержалось.

— Вы начинаете возбуждаться, леди Бенчли, — заговорил он тихим голосом, каким

обычно разговаривают с маленькими детьми и сумасшедшими.

— Нет! — воскликнула Филомена громче, чем сама хотела, так как сестра Шопф тащила ее в сторону ванны. — Нет!

Она заставила себя говорить приятно и сдержанно, как настоящая леди, но при этом изо всех сил упиралась.

— Доктор, я вовсе не возбуждаюсь, я предпочла бы обойтись без ледяной ванны. Пожалуйста! Неужели нет другого средства? Например, электроды, или наденьте на меня специальные варежки и уложите в постель.

Филомене вовсе не нравились альтернативные способы лечения. Она терпеть не могла электроды, ненавидела жесткие, шершавые маленькие варежки, которые надевали на руки так, что руками ничего нельзя было делать. Но она ничего так не боялась, как ледяных ванн.

— Ну, пожалуйста, — просила женщина, и слезы испуга наворачивались у нее на глаза.

— Вы просите так мило, леди Бенчли. — Глаза доктора скользили по ее рту и груди, которая выпирала под плотно облегающим грубым черным платьем. — Но, видите ли, я — ваш врач, и моя первая обязанность — лечить вашу болезнь. А теперь, пожалуйста, не сопротивляйтесь, снимите одежду сами или ее снимут с вас.

Сестра Шопф больно сжала запястье Филомены с неожиданной для женщины силой. Она тащила ее к ванне, другой рукой схватив за плечо.

— Вы снова будете со мной драться, леди Огненная вагина, или на этот раз будете вести себя разумно?

«Леди Огненная вагина» было прозвищем, которое дала Филомене одна из пациенток в самый первый день пребывания в Белль-Глен.

Тогда в небольшой комнате пятнадцать женщин раздели догола, осмотрели, ощупали, проверили на вшивость, а затем облили ледяной водой. И тогда кто-то из них обратил внимание на необычный рыжий цвет волос Филомены и на темно-рыжий цвет ее волос между ног. Филомену часто грубо обзывали, и чаще всего члены семьи Сент-Винсент, особенно они издевались над ее необычным ростом, широкими бедрами и плечами. Но «леди Огненная вагина» было самым унижительным прозвищем из всех. Его часто использовали сестры и обслуживающий персонал клиники.

— Я не сделала ничего плохого! — Филомена умоляюще смотрела на доктора Розенблатта, но тот спокойно перелистывал ее историю болезни, не обращая на нее внимания. — Не надо помещать меня в ванну!

— У вас истерика, — ответил он тихо, — что еще раз убеждает меня в том, насколько вы безумны.

Сестры схватили Филомену с двух сторон и за руки потащили к ванне. Когда она была совсем близко, Филомена ударила ванну обеими ногами, стараясь ее перевернуть. Тяжелая ванна не поддавалась, но Филомена была рослой женщиной и достаточно сильной, чтобы освободиться от рук медсестер.

— Ну что тут у нас? — раздался веселый голос Леопольда Бернса. Бернс способен был осветить своим присутствием любую комнату, но для пациентов Белль-Глен его появление означало наступление тьмы. Помощник доктора был молодым человеком огромного роста, но казался старше своего возраста из-за уродливого носа картошкой и лысины в светлых волосах. — Опять безобразничают, леди Бенчли?

У Филомены перехватило дыхание, легкие словно сдавило железным кулаком, когда она почувствовала, что вместо рук сестры Шопф ее обхватили руки Леопольда Бернса.

— Ну-ка снимайте одежду!

Теперь Филомена дралась по-настоящему. Всю жизнь она старалась быть правильной и послушной, была робкой, податливой и нежной, и всегда это давало только один результат. Но на этот раз она не хотела быть послушной участницей унижительной трагедии.

Она боролась и отталкивала руки сестер, которые пытались расстегнуть пуговицы на ее грубом платье, но они стащили его и сбросили на пол. Филомена кричала и умоляла, билась и брыкалась, когда сестры сняли с нее рубашку, — корсетов в клинике не разрешали носить, — и жадным глазам доктора Розенблатта и Бернса предстала ее обнаженная грудь. Они любовались ею, не скрываясь, и Филомена смутно удивилась, как это женщины-сестры могут принимать участие в подобном извращении.

Причиной слез, бегущих по ее щекам, было не только унижение и страх, но и невыносимо отвратительный запах изо рта Бернса, который прижал ее к себе, стиснув в медвежьих объятиях. Делая вид, что помогает сестрам снять с Филомены панталоны, он сжал ее груди, и, наклонившись к уху, прошептал, отдавая противным запахом:

— Чем больше вы сопротивляетесь, леди Огненная вагина, тем сильнее мне приходится действовать руками.

— Ваши руки всегда лезут куда не надо, — ответила Филомена.

Холодный воздух, охвативший тело, подсказал ей, что ее раздели донага. Но не это пугало ее сейчас больше всего — она спиной почувствовала, как напрягся член ее мучителя.

Бернс так сжал ее толстыми руками, что заставил задохнуться. Острая боль пронзила грудь, она ощутила нечто похожее на острый край, вонзившийся в бок, который лишил ее возможности вдохнуть воздух и закричать.

— Эти сумасшедшие несут такую чушь, — произнес Бернс, переваливая парализованное тело Филомены через край ванны, в то время как сестры держали ее за ноги.

Филомена с ужасом смотрела на медленное приближение ледяной воды и ничего не могла сделать, только приготовиться к погружению. Куски льда колотили и царапали кожу, как кошачьи когти, рефлекторно вызывая желание вырваться. Все ее тело мучительно болело, но когда она попыталась выскочить из воды, то увидела, что кожа ее цела.

В отчаянии Филомена била руками о край ванны, задыхаясь и издавая короткие стоны. Наконец ей удалось встать во весь рост и практически выбраться из ванны, но три пары сильных рук схватили ее и затолкали обратно. Она с головой погрузилась в воду.

Филомена пыталась отбиться от своих мучителей, но их руки держали крепко, не давая шевелиться. Постепенно паника прекратилась, и она замерла. Может быть, это конец? Она погибнет, заключенная в тюрьму, вместе с другими несчастными, всеми забытыми жителями империи. Гнусный развратник-кокни будет тискать ее грудь, сестры-садистки держать ее голову под водой, а врач хладнокровно наблюдать за этим.

Она вспомнила свое письмо леди Фаре Блэквелл, графине Нортуок. Интересно, получила ли она его и предприняла что-нибудь для спасения Филомены? Или просто не обратила внимания на ее мольбы о помощи? Легкие стало нестерпимо жечь, и Филомена решила, что, видимо, ей уже не доведется узнать ответ.

Может, это к лучшему. Она уйдет из этого мира, окруженная холодом и безжалостными осколками льда, что очень похоже на ее жизнь последние пять лет.